

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ 1812 ГОДА. СОСЛОВНЫЙ АСПЕКТ

Автор выявляет долю и характер участия духовного, дворянского и крестьянского сословий в коллаборационистском движении периода Отечественной войны 1812 г. в России. Также он критикует штампы коммунистической пропаганды во взгляде на этот вопрос, нашедшие отражение в советской исторической литературе.

Ключевые слова: *Российская Империя, Отечественная война 1812 года, коллаборационизм, духовенство, дворяне, крестьяне*

Обязательный для советской историографии классовый подход к интерпретации событий требовал предварительного деления сословных групп на «прогрессивные» и «реакционные». Исходя из этой, заранее сделанной расстановки акцентов, описывалась роль того или иного сословия в конкретной исторической ситуации. Такой метод, мешающий восстановить реальную картину прошлого, нашел себе место и во вполне для своего времени новаторских работах. Так, в нашумевшей около 30-ти лет назад книге Н.А. Троицкого «1812. Великий год России» можно встретить следующее, надо сказать, смелое определение:

«Третье из привилегированных сословий – духовенство – помогало народной войне главным образом “божьем словом”, патриотическими молитвами во славу русского оружия и за погибель “антихриста” Наполеона, которого Святейший Синод трижды (в 1806, 1812 и 1815 гг.) предавал анафеме. Не чуждалась церковь и материальных даяний: только в Петербурге к 16 августа 1812 г. она пожертвовала 750 тыс. руб. “на составление ополчения”. Некоторые ее служители участвовали даже в партизанском движении. Но среди духовенства больше, чем в любом другом сословии, оказалось предателей, сознательно – из личной и сословной корысти – переметнувшихся на сторону врага. Святейший Синод констатировал, что “две трети духовенства по могилевской епархии учинили присягу на верность врагу отечества”. Архиепископ Витебский и Могилевский Варлаам повелел тогда всей епархии величать “впредь... в благодарственных ко всевышнему молебствиях вместо императора Александра французского императора и италийского короля великого Наполеона”. Могилевская епархия не была исключением. *В Смоленске духовные отцы города встречали Наполеона с крестом в знак покорности, в Минске епископ служил торжественную обедню в честь завоевателя* (курсив мой. – Ю.С.), а в Подолии и на Волыни священнослужители раздавали своим прихожанам листки с текстом “Отче наш”, где “вместо имени бога было вставлено имя императора французов”. Такое отступничество тысяч пастырей от “веры, царя и отечества” рождало, по отзывам современников, “недоверчивость к законному правительству и к армии российской, заставляло слабых людей думать, что Россия пропала”. Тем самым церковь в Отечественной войне 1812 г. весьма скомпрометировала себя перед Россией. Хвалебные же труды дореволюционных историков о заслугах ее перед отечеством в 1812 г. необъективны¹».

¹ Троицкий 1988. С. 215-216.

Эти слова давно вызывали справедливую критику специалистов. Например, исследовавшая историю Русской Православной Церкви Л.В. Мельникова еще в 2002 г. писала:

«Н.А. Троицкий в монографии “1812. Великий год России”, перечислив через запятую присягу Наполеону архиепископа Могилевского Варлаама (который действительно был православным) и богослужения, проведенные в честь завоевателя в Минске (как показывают документы, на которые ссылается автор, богослужения эти проходили в католических костелах), сделал обобщенный вывод, касающийся Церкви в целом (не только западных губерний, но и всей страны), заявив, что в 1812 г. она «скомпрометировала себя перед Россией». [...] Поступок Варлаама (Шишацкого) в истории Русской Православной Церкви был настолько исключительным, что на протяжении столетия “Могилевская церковная смута” привлекала внимание многочисленных исследователей, которые пытались объяснить причины поведения архиепископа Варлаама»².

Рецензируя второе издание книги Н.А. Троицкого (2007), в котором процитированный пассаж остался без изменений³, А.И. Попов заметил: «...Среди духовенства нашлось более всего предателей (интересно узнать, кто и когда доказал это последнее утверждение?)»⁴.

Попробуем и мы рассмотреть те конкретные случаи «измены духовенства», которые упоминаются в книге. Итак, со ссылкой на 3-й том изданных под редакцией К.А. Военского «Актов, документов и материалов для политической и бытовой истории 1812 г.» (1912), Н.А. Троицкий писал, что «в Подолии и на Волыни священнослужители раздавали своим прихожанам листки с текстом “Отче наш”, где “вместо имени бога было вставлено имя императора французов”». При этом зачисляет пропагандистов именно в православные священнослужители. А что же говорится об этом у самого Военского? Да вот что: «...Русские подданные, из польской шляхты, не стесняясь, вступали в ряды войска, комплектуемого по приказу Наполеона Герцогством Варшавским, а в Подолии и Волыни раздавались листки с текстом “Отче Наш”, в котором вместо имени Бога было вставлено имя Императора французов»⁵. По смыслу цитаты видно, что листовки с искаженной молитвой распространяли не русские православные священнослужители, а польские шляхтичи. И здесь нет уже ничего странного, поскольку польская шляхта и позже боготворила Наполеона, с именем которого связывала первый опыт возрождения (после разделов Польши) национального польского государства в виде как раз Варшавского герцогства. Например, мистик Андрей Товянский (1799–1878), создавший в 1841 г. собственную секту, проповедовал: «Христос искупил род человеческий. Он – первый Мессия; за ним идут другие деятели – великие херувимы.

² Мельникова 2003. См. также: Мельникова 2002.

³ Троицкий. 2007. С. 354-355.

⁴ Попов. 2009.

⁵ Акты. Т. 3. С. XV–XVI.

Наполеон – предпоследний в этой святой колонне». В обязанность последователям Товянского вменялось даже паломничество на поле сражения в Ватерлоо⁶. Примкнувший к секте Товянского великий польский поэт Адам Мицкевич писал в книге 11-й своего «Пана Тадеуша», которая так и называется – «Год 1812»:

О незабвенный год, ты памятен для края!
 Ты для народа был порою урожая,
 Войной – для воинов, для песни – вдохновеньем,
 И старцы о тебе толкуют с умилением.
 .....
 Война! и юноши тотчас же рвутся в битвы,
 А женщины творят с надеждою молитвы,
 И повторяют все с восторгом умиленным:
 «С Наполеоном Бог и мы с Наполеоном!»⁷

Теперь о минском епископе, служившем «торжественную обедню в честь завоевателя». Православный минский архиепископ Серафим Глаголевский покинул свой кафедральный город перед полуночью 24 июня 1812 г. Утром 24 июня минский гражданский губернатор П.М. Добринский известил архиепископа Серафима через полицмейстера, «что в виду приближения к Минску неприятельской армии решено очистить город и поспешить «скорейшим выездом для спасения себя от рук неприятеля»». Как рассказывает историограф Минской архиепископии С.Г. Рункевич: «Преосвященный собрал церковную и все казенные, бывшие в его ведении, суммы, серебряные вещи своей домовою церкви, три больших серебряных подсвечника из Екатерининской церкви, пожалованные в нее Императрицей Екатериною, “лучшие вещи” из архиерейской и монастырской ризниц, и в 11 часов ночи этого же дня покинул Минск, направляясь в Смоленск, “яко безопаснейшее место”, куда преосвященный и прибыл 2 июля...»⁸ Но вскоре Смоленск также попал в зону боевых действий – и 11 августа архиепископ Серафим приехал в Брянский Свенский Успенский монастырь, далее в Орел и, наконец, в Севск⁹. Французы маршала Даву заняли Минск уже 25 июня и их торжественно встретили, опять-таки, местные поляки. Как пишет современный белорусский автор: «28 июня было назначено торжественное богослужение в костеле по поводу успехов французских войск и освобождения Минска от русского владычества, после этого богослужения Даву произвел смотр войскам»¹⁰.

У Н.А. Троицкого при упоминании епископского богослужения в Минске вновь дана сноска на «Акты...» К.А. Военского (т. 1). И по

⁶ Литовский 2002.

⁷ Мицкевич 1955. Т. 2. С. 501, 503. Перевод С. Мар (Аксеновой).

⁸ Рункевич 1893. С. 519.

⁹ Иерофей [Добрицкий], архимандрит 1866. С. 99, 164-165, 205-206.

¹⁰ Тарас 2012. С. 128-129.

ссылке мы находим переведенную с польского языка заметку «Празднование дня рождения Наполеона 15-го августа 1812 г.» из 10-го номера за 1812 г. «Временной минской газеты» («Tymcz. Gaz. Mińska»):

«В 11 часов все офицеры, военные и гражданские чиновники собрались к генерал-губернатору и принесли искренние поздравления нашему Великому Воскресителю. Затем во главе с генерал-губернатором отправились к обедне в Кафедральный собор. *Обедню служил Его Превосвященство Минский епископ* (здесь и далее курсив мой. – Ю.С.); этот ревностный пастырь, со дня вступления в город наших славных избавителей, возбуждал в нашем уважаемом духовенстве, при каждом удобном случае, патриотические чувства. Его окружали члены Консистории и монашеские ордена. *Во время богослужения присутствовали даже греко-российские священники, оставшиеся в нашем городе.* После обедни каноник Жилинский, капеллан Минской гимназии, в горячей проповеди побуждал всех быть благодарными Великому Монарху, который послужит предметом удивления настоящего и будущих веков. Костел наполняли войска, обыватели и дамы. Все они с радостным волнением, с прочувствованными слезами повторяли возгласы “да здравствует Великий Наполеон, да здравствует Избавитель и Воскреситель нашей родины”. Богослужение закончилось пением *Te Deum laudamus*»¹¹.

Итак, перед нами описание, вне всякого сомнения, католического богослужения в честь Наполеона. И на этом богослужении, в духе столь модного сейчас экуменизма, присутствуют русские православные (греко-российские) священники, оставшиеся в Минске. Но кто же этот загадочный, не названный по имени минский епископ? Узнать об этом несложно из процитированной К.А. Военским 8-ю страницами ранее заметки «Учреждение Минской Конфедерации», напечатанной во 2-м номере все той же минской польской газеты за 1812 г.:

«19 июля 1812 г. в местном Кафедральном костеле было отправлено богослужение. Губернатор генерал Брониковский [Миколай Брониковский, граф д'Опельн, поляк на французской службе] присутствовал на нем со всем своим штабом и Временной Правительственной Комиссией. По окончании богослужения, по поручению губернатора, *Минский Епископ Дедерко* сказал соответствующую обстоятельству краткую речь, прославляя высокое покровительство *Всемиловитвейшего Императора и Короля, оказываемое Польскому народу* и, между прочим, сказал следующие слова: “уже порваны московские цепи, мы вступаем под власть Императора Наполеона Великого”, а затем призывал всех сынов Родины объединиться под знаменами Освободителя»¹².

Как видим, перед нами католический минский епископ по фамилии Дедерко и по национальности поляк, поскольку прославляет Наполеона за покровительство именно польскому народу. Яков Игнатий Дедерко, по воле французов ставший первым минским римско-католическим епископом, родом происходил с Волыни. Иезуит, долго служил в Вильне учителем семинарии, приходским священником и, наконец,

¹¹ Акты. Т. 1. С. 361.

¹² Там же. С. 353.

профессором права в академии. Еще в 1792 г. он был посвящен в епископа-суфрагана. Скончался 24 декабря 1829 г. С.Г. Рункевич пишет:

«Вступив в Минск, французы заняли для постоя архиерейский дом, жили в нем пять недель, пользовались всею его наличностью, но, уходя, с собою не взяли ничего. Едва только французы выступили из дома, оставшийся при доме архиерейский эконом Иннокентий получил от временного польского правительства в Минске чрез полицию повестку о немедленном оставлении дома всеми монашествующими и сдаче его доверенным римско-католического минского епископа Дедерки. “И вдруг” польское правительство отперло кладовую, забрало из нее всю посуду и, сложив ее в ризницу, приложило к двери ризницы печать. В поисках за скрытыми драгоценностями, члены этого “правительства” – ксендз Жилинский и лавник Лисовский – содрали пол в церкви, обыскали погреб, чердаки, и, конечно, напрасно. Затем приехал сам Дедерко, отнял ключи и “завладел всеми вещами”. На просьбу возвратить мир, антиминс, ризницу, он сначала отвечал безусловным отказом, но через две недели мир возвратил»¹³.

А как же быть с присутствием православных священников на католическом богослужении в честь Наполеона? Здесь, возможно, польская газета выдала желаемое за действительное. Вот что по этому поводу пишет С.Г. Рункевич:

«Водворившись в доме православного архиерея, римский архиерей (т.е. Дедерко. – Ю.С.) объявил себя начальником и православных монахов, бывших в городе, и заставлял их подчиняться его распоряжениям – присутствовать на молебнах, совершаемых по случаю французских побед и т.п., *чего, впрочем, монашествующие не исполняли*... Торжеством поляков спешило пользоваться латинство. В Хотляны, едва только вышли войска, наехал “декан”, согнал в православную церковь всех прихожан и в их присутствии “пересвятит церковь на унию”, сжег иконостас, привел крестьян к присяге на верность уни, изгнал православного священника и водворил на приходе “ксендза”. Это факт не единственный. О том, что православное духовенство... подвергалось посмеянию, надругательствам и т.п., излишне было бы и упоминать»¹⁴.

Как видим, Н.А. Троицкий в своей филиппике по адресу русских священнослужителей попытался выдать за минского православного архиерея епископа католического, гонителя православия и притеснителя православного духовенства. Но, возможно, мы и тысячи пастырей-отступников в Смоленске, где, по словам исследователя, «духовные отцы города встречали Наполеона с крестом в знак покорности»?

К счастью, среди смоленских «отступников» оказался человек пишущий, первый тамошний краевед священник Одигитриевской церкви Никифор Адрианович Мурзакевич (1769–1834). Обстоятельства дела отец Мурзакевич изложил и на страницах дневника своего, и в своей же истории Смоленска. Кроме того, судьбе этого батюшки посвящено специальное исследование «Священник Н.А. Мурзакевич, обвиняемый в измене в 1812 г.» смоленского историка и археолога Ивана

¹³ Рункевич 1893. С. 522-523.

¹⁴ Там же. С. 523-524.

Ивановича Орловского, опубликованное в 1903 г. в «Русской старине»¹⁵. Так вот, записи отца Никифора свидетельствуют, что после ухода из Смоленска русских войск и местных властей в городе осталось лишь... четыре (!) священника: сам отец Никифор Мурзакевич, протоиерей (протопоп) Поликарп Зверев, которого французы перехватили по дороге в русский тыл и вернули в город, священник Спасской церкви отец Яков Соколов, «которому нечего было терять, да в соборе лежал смертельно больной соборный священник Василий Щировский»¹⁶.

Каковы же были отношения смоленских четырех священников с Наполеоном и его армией? Большой отец Василий Щировский в тех отношениях не участвовал вовсе, так как умер 2 октября. Что касается оставшихся трех, то дело происходило так: 27 октября 1812 г. «французский губернатор Смоленска потребовал, чтобы наличное духовенство городское встретило бежавшего из Москвы Наполеона. Напрасно отговаривался Мурзакевич... В конце концов, опасаясь гнева Наполеона и разрушения собора и храмов и не видя особого преступления в вынужденной встрече *побежденного* врага, Мурзакевич с Зверевым и Соколовым пошли к Днепровским воротам»¹⁷. Далее отец Никифор пишет в своем дневнике: «Утром пришли о<тец> Поликарп и о<тец> Яков, чтоб идти встречать Наполеона. Зайдя в Собор, взяв ризы, крест, пошли к Днепровским воротам, где городское начальство ожидало. Часовые у ворот за нами присматривали. Продрогнув на холоде, с разрешения, мы разошлись. О. Поликарп сказал: Наполеона не будет». Но на следующий день судьба все же свела священника Мурзакевича с французским императором. Отец Никифор записал в дневнике 28 октября: «Идя к больному мещанину Ив. Короткому, что у Днепровских ворот возле дома Ив. Ковшарова, с черствою просвирую, нечаянно возле Троицкого моста попавшийся мне губернатор Жомини сказал мне по латыни: Вот Наполеон идет! – Я, не зная его, посторонился, но Наполеон у меня спросил: «*поре?* (поп?)» Я отвечивал: так. И когда ближе он подошел, я, в недоумении и страхе, вынул просвиру, которую он велел взять одному генералу. Всего этого никто не видел». Ну, вот, от «тысяч» встречавших Наполеона священнослужителей остался один испуганный священник. Прошло два дня, и 30 ноября отец Мурзакевич, «не давая ограбить свою церковь и сложенное имущество прихожан, поляками жестоко избит»¹⁸ был.

В декабре 1812 г. протопоп смоленской Никольской церкви отец Алексей Васильев донес духовному начальству о том, как трое батюшек ходили встречать Наполеона. 18 декабря с отца Никифора Мурза-

---

¹⁵ Орловский 1903.

¹⁶ Мурзакевич 1903. С. 10; Дневник. 1903. С. 66, 69.

¹⁷ Мурзакевич 1903. С. 11.

¹⁸ Дневник. 1903. С. 66.

кевича была взята консисторией подписка о невыезде. На следующий день в Смоленск для дознания прибыл в сопровождении местного епископа Ириней (Фальковского) рязанский архиепископ Феофилакт (Русанов), который расследовал от имени Святейшего Синода дела духовенства, остававшегося на оккупированной французами территории (позже владыка Феофилакт потрудился на этот счет и в Минской, и в Могилевской епархиях). 20 декабря рязанский архиерей допрашивал отца Мурзакевича: «Зачем встречал Наполеона?» Отец Никифор отвечал: «Чтобы спасти храмы Божии: первосвященник иудейский Иоддай встречал язычника Александра Македонского, а папа Лев святой Аттилу, у врат Рима, угрожавшего граду разорением!» Поведение отца Мурзакевича духовное начальство сочло «ревностью не по разуму» и передало дело смоленского священника в уголовный суд. 24 декабря отцы Никифор Мурзакевич, Поликарп Зверев и Яков Соколов были запрещены в священнослужении.

Показательная деталь – светские власти судили смоленских «отступников» куда мягче, чем власти духовные. Более того, в глазах мирян героями выглядели как раз подсудимые, не бросившие своей паствы перед лицом врага, но не духовные судьи и не священник-доносчик, паству оставившие¹⁹. Такой вывод можно сделать из письма подмосковного и вологодского помещика, известного масона О.А. Поздеева графу А.К. Разумовскому от 21 сентября 1812 г., где, в связи с исходом жителей из Москвы 1-2 сентября 1812 г., сказано: «Религия, искаженная наружностью, пьянством и прочими пороками, до того испортилась в нашем духовенстве, что за день до входа неприятелей в Москву и накануне не слышно было в воскресный день колокола ни заутреннего, ни обеденного, а попы толпами бежали из Москвы от своих церквей»²⁰.

23 марта 1814 г. Смоленская уголовная палата оправдала протопопа Поликарпа Зверева, священников Якова Соколова и Никифора Мурзакевича. Но только 8 июля последовал синодальный указ, разрешающий всем трем священникам служить – и лишь 27 июля смоленские епархиальные власти допустили прощтрафившихся отцов «в приходах к священнодействию»²¹.

¹⁹ Вот что писал в 1903 г. И.И. Орловский: 1812 год «поставил личность о. Никифора на такой высоте нравственного долга и гражданской добродетели, на какой она не могла быть поставлена ни его литературными трудами, ни уважением общества и вниманием лучших людей города. 1812-й год сделал личность Мурзакевича для исследователя нашей старины глубоко-драматической, невольно приковывающей к себе внимание, вызывающей сочувствие и преклонение пред нею, по силе равное лишь противоположным чувствам, которые вызываются тогдашними представителями общества, самим этим обществом, его нравами и царившими в нем порядкам и взглядами» (Русская старина. 1903. Т. 114. № 4. С. 106).

²⁰ Русский архив. 1872. Т. III. Кн. 10. Стб. 1860.

²¹ Дневник. 1903. С.68-70.

К слову – а может быть, «тысячи» изменивших священников набираются за счет действительно присягнувшего Наполеону греко-русского духовенства епархии Могилевской и Витебской? Для этого следует узнать, сколько в епархии было священнослужителей, которых к такой присяге следовало привести. В год присоединения к России из польского подданства в самом городе Могилеве действовали два монастыря мужских и один девичий, 7 церквей и семинария «Греко-русского исповедания»²². К 1788 г. православных приходских церквей в Могилеве было уже 16²³. На протяжении XIX в. число православных храмов в городе неуклонно росло – и в 1864 г. их насчитывалось уже 29²⁴. При этом в 1911 г. в Могилевской епархии было 197 православных монашествующих обоого пола, 48 протоиереев, 529 священников и 79 диаконов²⁵. Это те категории священнослужителей, с которых оккупанты могли потребовать присягу. Общее число таких лиц на 1911 г. равняется, следовательно, 835. Если принять во внимание столетнюю динамику роста православных приходов в Могилеве, то действующих православных священнослужителей и монашествующих в 1812 г. там должно было быть примерно вполтину меньше – около 400 человек. 2/3 из них, т.е. присягнувшие Наполеону по констатации Святейшего Синода – это не более 270 священнослужителей. Итак, даже здесь «тысяч» духовных коллаборационистов не набирается.

Но сословные претензии к духовенству – вовсе не единственное спорное заявление проф. Н.А.Троицкого в его книге о 1812 году. Подобные претензии историк поместил прежде всего в главе «Народная война», которая воспринималась как идеологический анахронизм уже в издании 1988 г. Однако Троицкий включил ее и в издание 2007 г., что вызвало справедливую критику А.И. Попова, который писал:

«В изложении Троицкого только крестьяне выступают бескорыстными и самоотверженными патриотами. В патриотизме всех остальных сословий он усматривает некий изъян, обусловленный их социальным положением: дворяне защищали отечество из-за своих социальных привилегий, купечество наживалось на войне, а среди духовенства нашлось более всего предателей... Абсолютно непогрешимым, беззаветным защитником родины показал себя только народ. «На фоне суесловного и корыстного патриотизма привилегированных сословий выделялся своим бескорытием и действенностью патриотизм народных масс», которые шли на неприятеля, «движимые отнюдь не сословными, а исключительно национальными интересами». Это, разумеется, явная идеализация и преувеличение. Нельзя возводить патриотические чувства народа в непогрешимый абсолют. <...> С нескрываемым удовольствием рассказав об обострении классовой борьбы крестьянства в 1812, Троицкий

²² Могилев на Днепре.

²³ Новый и полный географический словарь. Ч. III. 1788. С. 188.

²⁴ Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. III. 1867. С. 279.

²⁵ Могилевская епархия. Стб. 1582.

стыдливо умолчал, что многочисленные мятежи и грабежи поместий (нередко совершаемые мужиками вместе с неприятельскими мародёрами) затрудняли положение правительства, занятого борьбой с грозным завоевателем и отвлекали от этой войны отряды русской армии, в том числе партизан. Уже тот факт, что Наполеон думал о возможности отмены крепостного права в России, чтобы привлечь к себе крестьянство, а русское дворянство заранее опасалось такой перспективы, говорит о “потенциальной направленности” антикрепостнического движения, вектор которого был прямо противоположен борьбе за национальную независимость. Но марксисты рассматривали классовую борьбу как некую самоценность (“двигатель прогресса”), и то, что в 1812 она обострилась именно из-за вторжения Великой армии и при поддержке отдельных её представителей, нисколько их не смущало»²⁶.

Надо сказать, что А.И. Попов обстоятельно и предметно разобрал текст Н.А. Троицкого. Впрочем, для пропагандистской литературы хрущевского времени, когда в 1962 г. на правительственном уровне отмечали 150-летие Отечественной войны, общим местом стало классовое разделение подданных Российской Империи на «чистых и нечистых». Вот, например, слова из брошюры, изданной в 1962 г. в Калуге:

«Говоря о событиях 1812 года в Калужской губернии, нельзя не отметить волнений крепостных крестьян, направленных против помещиков. Классовая борьба не прекращалась даже в тот период. Дело в том, что многие крепостные справедливо ожидали, что за их героическую борьбу против Наполеона царь и помещики “пожалуют” им волю (к слову о крестьянском «бескорыстии». – Ю.С.). Этого не могло произойти. Сражаясь с французами, дворяне прежде всего, преследовали свои сословные интересы, и главное – сохранить в неприкосновенности феодально-крепостнический строй. Лишь немногие из офицеров-дворян, ставших впоследствии декабристами, были настроены прогрессивно. Крестьянские волнения в период Отечественной войны 1812 года – яркое свидетельство того, что крепостные ни на минуту не забывали о своих «внутренних» врагах – помещиках. <...> Власти боялись дать в руки крестьянам оружие. <...> Война 1812 года способствовала пробуждению классового самосознания у крепостных крестьян. Но в то время некому было оформить и организовать их. <...> Движимые патриотизмом, народные массы не раз поднимались на борьбу против национального и классового гнета, против чужеземных завоевателей. Однако патриотизм прошлого существенно отличается от советского патриотизма. Хотя народ и в прошлом любил свою Родину, ее природу, язык, культуру, свои традиции и т.д., тем не менее в условиях феодализма и капитализма к этой любви примешивалась горечь от сознания несправедливости общественного устройства в своей стране. Представители господствующих классов в угоду своим интересам нередко шли на сделки с врагами народа, а иногда открыто переходили на их сторону. Патриотизм даже наиболее передовых и прогрессивных представителей из среды дворянства и буржуазии носил отпечаток классовой ограниченности. Только советский патриотизм, рожденный Великой Октябрьской социалистической революцией и нашим общественным строем, основанный на пролетарском интернационализме, на братском содружестве всех народов, превратился в могучую движущую силу советского общества»²⁷.

²⁶ Попов 2009.

²⁷ Недаром помнит вся Россия. С.33-36, 69-70.

А вот что писал Е.И. Корнейчик в книге «Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года» (Минск, 1962):

«Продажная политика помещиков и ксендзов, их подрывная деятельность в пользу Наполеона вызвали в белорусском народе чувство глубокого негодования. Тем самым социальные противоречия между помещиками и крестьянами дополнились новыми политическими противоречиями. <...> Белорусское население с первых же дней войны поднялось на борьбу против захватчиков. Крестьяне повсеместно вышли из повиновения помещикам, приверженцам Наполеона. <...> Сильные крестьянские волнения происходили в это время повсеместно и в Могилевской губернии. “Крестьяне предавались волнению против властей помещиков, – писал впоследствии Могилевский губернский предводитель дворянства, – производили грабеж, разоряли помещичьи усадьбы, расхищали имущество и, наконец, последнее стремление сделалось по всей губернии общим”. <...> В условиях острой освободительной и антикрепостнической борьбы крестьянства ярко обнаружился антинародный облик некоторых представителей верхушки православного духовенства, ставшего на путь предательства и измены своему народу. Таким предателем оказался глава Могилевской православной епархии, архиепископ Варлаам Шишацкий. <...> Народные массы возмущались предательством Могилевского духовенства. В ответ на призыв архиепископа Варлаама крестьяне разгромили его имения. <...> Так отомстил народ изменнику родины»²⁸.

Остается только поинтересоваться, а за что мстили мужики вполне верным русскому Царю и правительству помещикам и священнослужителям, участвуя в грабежах и погромах на незанятой Наполеоном территории страны? Можно было бы и остановиться на этом, но очень уж хочется разобраться на основании фактов главное положительное определение Н.А. Троицкого из главы «Народная война»:

«На фоне суесловного и корыстного патриотизма привилегированных сословий выделялся своим бескорытием и действенностью патриотизм народных масс. “Низам” чужды были местнические интриги и распри, подсчеты возможных убытков и прибылей, что так занимало “верхи”. Крестьяне (составлявшие тогда почти 9/10 всего населения страны), дворовые, работные люди поднимались против захватчиков, движимые отнюдь не сословными, а исключительно национальными интересами...»²⁹

В связи с процитированным интересно посмотреть, против кого на самом деле поднимались «народные массы» тогда, когда русское начальство уже ушло, а французы еще не появились. И здесь следует заметить, что напрасно, перечисляя участников одного социального лагеря, Троицкий включает в него через запятую крестьян и дворовых. Часто именно дворовые, лично принадлежащие помещикам люди, становились первой жертвой крестьянского «подъема». О.А. Поздеев, выехавший в начале сентября 1812 г. из Москвы в Вологду, 19 сентября сообщал «по горячим следам» С.С. Ланскому: «И, слышу, пишут теперь из подмосковной дворовые, что уже мужики выгнали дворовых

²⁸ Корнейчик 1962. С. 21, 33, 73-74.

²⁹ Троицкий 1988. С. 216; 2007. С. 349-357.

всех в одних рубашках вон теперь; а ныне уже зима – куда идти без хлеба и одежды? В леса? Замерзнут и погибнут с голоду»³⁰.

А вот впечатления от Москвы 1-2 сентября 1812 г., уже оставленной войсками, властью, дворянами – и попавшей во власть пресловутых «народных масс». Посреди всего этого оказался вывозивший семейное имущество генерал-лейтенант в отставке князь Дмитрий Михайлович Волконский (1769–1835), записавший в своем дневнике:

«В Москве столько шатающихся солдат, что и здоровые даже кабаки разбивают. Расстопчин афишкою клич кликнул, но никто не бывал на Поклонную гору для защиты Москвы. <...> Итак, 2-го <сентября> город без полиции, наполнен мародерами, кои все начали грабить, разбили все кабаки и лавки, перепились пьяные, народ в отчаянии защищает себя, и повсюду начались *грабительства от своих* (курсив мой. – Ю.С.).

В таком ужасном волнении 2-го числа поутру поехал я узнать, подлинно ли армии отступили. Подъехал к Арбату, нашел, что войски уже все прошли, а драгунская команда унимает разграбление погребов и лавок. Я взял у начальника 2-х ундер-офицеров и 6-ть драгун, с ними поехал на Самотеку. Едучи, нашел везде грабежи, кои старался прекращать, и успел выгнать многих мародеров, потом велел уложиться своим повозкам и 2½ часа пополудни, при стрельбе и стечении буйственного народа и отсталых солдат едва мог с прикрытием драгун выехать и проехать. Везде уже стреляли по улицам и грабили всех. Люди наши также перепились. В таком ужасном положении едва успел я выехать их городу за заставу»³¹.

Их этих записей видно, что у «грабительства от своих» классовой подоплеки не было, просто одна часть народа грабила другую.

Свидетельства О.А. Поздеева о том, что 1 сентября 1812 г. в Москве «не слышно было в воскресный день колокола ни заутреннего, ни обеденного», и князя Д.М. Волконского – о «грабительстве от своих» подтверждают составленные в 1865 г. и опубликованные в 1871 г. записки скончавшегося в 1870 г. пожилого наместника московского Донского монастыря архимандрита Павла (Егорова):

«1-е число сентября. В воскресенье с утра началось в Москве необычайное волнение. Все улицы и переулки захлебнулись народом: военными – пешими и конными, каретами, повозками, телегами из дальних губерний, кои все спешили выбраться из Москвы; в сей же день предали народу на расхищение Главную винную контору и все кабаки. Итак, от грома карет, шума и крика казалось, колебалась земля в Москве. Дома обывателей стали пустеть, колокольного звона в церк<овной> службе не слышно было. Полиция была выведена; сделалось безначалие, своеволие, насилие; все стали большие. <...> Сентября 3-го числа. Во вторник поутру из-за Сухаревой башни поднималась дымная черная туча, осыпаемая искрами и пересекаемая пламенными вихрями (это загорелись на Канаве бани, харчевни и мелочные лавочки), и приближалась к Сухаревой башне. Мародеры французские и польские, а с ними и наши русские солдаты, бежавшие или оставшие от своей команды, рассеялись для грабежа по всем улицам. Разбивали лавки, дома, винные погреба.

³⁰ Русский архив. 1872. Т. III. № 10. Стб. 1856.

³¹ Волконский 1990. С. 143.

<...> Подходя к Спасской улице, увидел русского солдата, продающего *в разбитой им лавке* (курсив мой. – Ю.С.) пшеничную муку. Я спросил у покупающих: почему мешок? Солдат отвечал: дешево пустил товар, по гривеннику мешок! При настоящей нужде к своему пропитанию я взял мешок для семейства <церкви Преображения Господня Сретенского сорока священника> Сергея Ив<анова Розонова>. Благодарил я солдата, что благообразно поступил, иначе бы вся эта мука досталась неприятелям»³².

Следующий рассказ был записан в пору молодости своей Константином Николаевичем Леонтьевым (1831–1891), замечательным русским философом, публицистом и писателем. В 1851–52 гг. он гостил в имениях своего дяди, генерал-майора Владимира Петровича Коробанова – селах Спасское-Телепнево и Соколово Вяземского уезда Смоленской губернии, где записал рассказ о событиях 1812 г. местного дьякона, сына прежнего сельского священника. Дьякон вспоминал:

«Многие из здешних крестьян во время нашествия вели себя необузданно, как разбойники. Мне было тогда лет 8-9. Батюшка мой священником... Как только, перед вступлением неприятеля, Петр Матвеевич уехал служить в ополчение, а бабушка ваша в Костромское свое имение, сейчас же и здесь и в Соколове начали мужики шалить: то тащут, то берут, другое ломают. Батюшка покойный сокрушался и негодовал, но и сам опасался крестьян. Один раз идет он и видит, стоит барская карета наружи, из сарая вывезена, и около нее мужик с топором.

– Ты что это с топором? – спросил батюшка.

– Вот хочу порубить карету, дерево на растопку годится, и еще кой-что выберу из нее.

А лес близко. Нет, уж ему и до лесу дойти не хочется. Барская карета ближе! Стало батюшке жаль господской кареты, он и говорит мужику:

– Образуясь! Бессовестный ты человек! Тут неприятель подходит, а ты, христианин православный, грабительством занимаешься. А если вернется благополучно Петр Матвеевич и узнает, что тебе тогда будет?

А мужик ничуть не испугался, погрозили на батюшку топором и говорит:

– Ну, ты смотри, я тебя на месте уложу тут. Я и Петра Матвеевича теперь не боюсь; пусть он покажется, я и ему *брюхо балахоном растушу!*..

Вот какая дерзость!

Батюшка ужаснулся и ушел от него.

Итак, *разорение от своих* (курсив мой. – Ю.С.) продолжалось. Входили в дом крестьяне и делали, что хотели. Была, например, в Соколове у дедушки вашего одна комната, кабинет что ли, не знаю; обита вся по стенам и по потолку клеенкой на зиму для тепла. Клеенка эта прибита цельными полосами от пола вверх через потолок и на другую сторону вниз опять до самого пола... Кругом около потолка небольшим карнизом было обведено. Так вот это я сам своими глазами видел. Знаете детство, любопытствуешь, везде бегали с братьями. Обломали мужики верхний карниз; подрежут снизу клеенку, да так возьмут руками за один конец и отдерут все до другого конца безжалостно. И чего только они не делали! Наконец, посягнули на жизнь и батюшки моего, но Господь его спас.

Вот как это было. Сидели мы все дети с батюшкой и с матушкой поздно вечером и собирались уже спать, как вдруг слышим, стучатся в ворота.

– Отопри, хуже уьем!

³² Павел (Егоров), архимандрит 2012. С. 207-208.

Матушка перепугалась, и мы все как бы обезумели от страха, а мужики ломаясь. Уж не помню я, вломились ли они, или сам батюшка им решился отпереть, только помню, как вошел народ с топорами и ножами, и всех нас мигом перевязали, матушку на печке оставили, нас по лавкам, а батюшку взяли за ноги, да об перекладину, что потолок поддерживает, головой бьют. Изба наша, конечно, была низенькая, простая. Вот они бьют отца моего головой об бревно и приговаривают: “А где у тебя, батька, деньги спрятали? давай деньги!”

– Какие деньги! Была самая малость.

Они все бьют его головой с расчетом, чтоб сразу не убить, а узнать, где деньги. Постучат, постучат головой и дадут ему отдохнуть; видят, что он в памяти, опять колотить.

Мы видим все это и плачем... Однако Господь спас нас!.. Жила у нас девочка крестьянская, сиротка лет десяти.

Девочка умная, смелая. Никто и не заметил, как она выскочила из избы. Она выскочила в ту самую минуту, как мужики вломились, и побежала к одной соседке-помещице. Эта помещица была дама небогатая, только пресмелая, а дворовые люди ей были преданы. Она решилась никуда от французов ехать, а осталась в своем имении, очень близко от нас. Но так как грабежа и грубостей от своего народа опасалась она больше, чем от самого неприятеля, то и сама всегда ходила вооруженная и сформировала из слуг своих небольшой отряд телохранителей, молодец к молодцу! Сиротка наша прямо к ней и объясняет, что батюшку мужики убить хотят. Мигом помещица снарядилась, приехала с вооруженными людьми... Взошли, накрыли разбойников, одолели их как раз; барыня сама командовала: “перевязать их таких, сяких!” И к ближайшему начальству ответили.

Так Бог спас нам батюшку. К счастью, барыня так поспешила, что большого вреда разбойники не успели ему сделать. Немного поболел он и решился покинуть после этого свое жилище, и всей семьей собрались мы ехать в Калужскую губернию, в Медынский уезд. Там у нас были родные. *Французов мы еще не видали, хотя по слухам они были уже близко* (курсив мой. – Ю.С.)³³.

И снова люди, которые «французов... еще не видали», испытали «разорение от своих», как москвичи, по словам князя Д.М. Волконского, испытали «грабительства от своих». Жертвой здесь оказывается бедный сельский священник, человек добродетельный (приютит сиротку), отец малолетних детей. Избран он был целью грабежа лишь потому, вероятно, что показался мужикам достаточно слабым и неспособным дать им отпор. Показательно, опять же, что спасает священника и его семью отряд дворовых. Из рассказа, записанного К.Н. Леонтьевым, несложно понять, что уехать из родных мест русский священник в дни Отечественной войны 1812 г. мог не только из-за французов.

Интересно, что после «разорения своих» мужики из Спас-Телепнева переключились на французов. Как сообщает составленное на рубеже XIX–XX вв. описание сельских приходов Смоленской епархии: «Все жители села и прихода, пред нашествием французов, забрав свои вещи, пожитки и скот, удалялись в леса, которых возле села в то время было множество, и находились там во время кампании 1812 года. Му-

³³ Леонтьев 1913. С. 51-54.

жики и молодые собирались партиями, вооружался, кто чем мог, подкарауливал отставшие отряды французов, били и истребляли их и брали в плен. О некоторых предводителях таких партий и их действиях в народе сохранилось немало рассказов». Любопытно, какими мотивами руководствовались мужики, нападая на французов в тех местах – патристическими, или теми, что побудили их пытать своего духовного отца, выбывая из него деньги?

При этом церковь села Спас-Телепнева, если верить местному устному преданию, «была осквернена неприятелем, а именно обращена в конюшню, каковое предание подтверждает следующая запись в шнуровой расходной денежной книге за ноябрь месяц 1812 года: “К освящению церкви, на исправление одежды на престол и прочие нужды издержано денег сорок рублей”». 19 ноября 1812 года храм освятили протоирей Филипп Руженцев и Симон Конокитин³⁴. На самом деле, с приходом неприятеля грабительский разгул некоторых крепостных мужиков приобрел лишь более широкий размах. Вот что докладывал 14 сентября 1812 г. калужскому губернатору временно подчиненный ему предводитель дворянства Юхновского уезда Смоленской губернии:

«Вашему превосходительству сим честь имею донести, что сверх находящихся в Юхновском уезде французских мародеров, разоряющих деревни и дома жителей, крестьяне некоторых селений от вольнодумствия начинают убивать до смерти господ своих и подводят французов в те места, где оные от страха укрываются, что уже и случилось: маиора Семена Вишнева по многим чинимым ему истязаниям, по поводу крепостных его людей, застрелили досмерти, а подпоручика Данилу Иванова крепостной его крестьянин Ефим Никифоров убил до смерти ж, за то, что советовал собирать с полей хлеб, а села Бородицкого крестьянин Сергей Мартинов, кроме того что рассказывал неприятелям, где что в доме господском и даже в церкви из утвари церковной повергнуто было в землю, но все то вынута, а также гробы, в склепу стоявшие, с телами вынуты. Соединясь с французами и придя в село Лощену первой начал стрелять по казакам. О чем донеся вашему превосходительству покорнейше прошу снабдить меня разрешением, не повелено ли будет, описываемых смертоубийц и крестьян, наполненных вольнодумствием и уже соединившихся с французами в пример и к поддержанию других по нынешним военным обстоятельствам, приказать в тех же самых селениях расстреливать или вешать...»³⁵

Как раз 14 сентября 1812 г. партизаны подполковника Дениса Васильевича Давыдова захватили одного из названных юхновским предводителем мужиков. Сам Давыдов записал тогда в дневнике:

«К славе нашего народа, во всей той стороне известными изменниками были одни дворовые люди отставного маиора Семена Вишнева и крестьяне Ефим Никифоров и Сергей Мартынов. Первые, соединясь с французскими мародерами, убили господина своего; Ефим Никифоров с ними же убил отставного поручика Данилу Иванова, а Сергей Мартынов наводил их на известных ему богатых поселян, убил управителя села Городища, разграбил церковь, вырыл

³⁴ *Филитова*. 2014. С.60.

³⁵ В тылу армии. С.152-153.

из гробов прах помещицы села сего и стрелял по казакам. При появлении партии моей в ту сторону все первые разбежались и скрылись, но последнего мы захватили 14-го числа. Эта добыча была для меня важнее двухсот французов! Я немедленно рапортовал о том начальнику ополчения и приготовил примерное наказание.

Двадцать первого (сентября. – Ю.С.) пришло мне повеление расстрелять преступника, и тот же час разослано от меня объявление по всем деревням на расстоянии десяти верст, чтобы крестьяне собирались в Городище. Четыре священника ближних сел туда же приглашены были. 22-го, поутру, преступника исповедали, надели на него белую рубашку и привели под караулом к самой той церкви, которую он грабил с врагами отечества. Священники стояли перед нею лицом в поле на одной черте с ними – взвод пехоты. Преступник был поставлен на колена, лицом к священникам, за ним народ, а за народом вся партия – полукружием. Его отпевали... живого. Надеялся ли он на прощение? До верхней ли степени вкоренилось в нем безбожие? Или отчаяние овладело им до бесчувственности? Но вовремя богослужения он ни разу не перекрестился. Когда служба кончилась, я велел ему поклониться на четыре стороны. Он поклонился. Я велел народу и отряду расступиться. Он глядел на меня глазами неведения; наконец, когда я велел отвести его далее и завязать глаза, он затрепетал... Взвод подвинулся и выстрелил разом. Тогда партия моя окружила зрителей, из коих хотя не было ни одного изменника и грабителя, но были ослушники начальства. Я имел им список, стал выкликать виновных поодиночке и наказывать нагайками.

Когда кончилась экзекуция, Степан Храповицкий читал: «Так карают богоотступников, изменников отечеству и ослушников начальству! Ведайте, что войско может удалиться на время, но государь, наш православный царь, знает, где зло творится, и при малейшем ослушании или беспорядке мы снова явимся и накажем предателей и безбожников, как наказали разбойника, перед вами лежащего: ему и места нет с православными на кладбище; заройте его в Разбойничьей долине». Тогда священник Иоанн, подняв крест, сказал: «Да будет проклят всякий ослушник начальства! Враг Бога и предатель Царя и Отечества! Да будет проклят!»³⁶.

Показательна в контексте коммунистической мифологии о «патриотичных» крестьянах и «корыстных» помещиках история смоленского дворянина Павла Ивановича Энгельгардта, расстрелянного французами 15 октября 1812 г. Вот что пишет о нем советский официоз – роскошно изданная в 1987 г. книга-альбом «Бородино, 1812»:

«В начале Отечественной войны П.И. Энгельгардт, подполковник в отставке, жил в своем поместье в Смоленской губернии (сельцо Дягилево Духовщинского уезда). Когда враг занял Смоленск, он возглавил крестьянский партизанский отряд. Позднее попал в плен. Французы пытались склонить его к измене Отчеству, перейти к ним на службу, но безуспешно. Оккупанты приговорили Энгельгардта к расстрелу. В Смоленске, за Молоховскими воротами, свершилась казнь. Мужественно, не позволив завязать себе глаза, патриот принимает смерть»³⁷.

А вот настоящая история, рассказанная со слов священника, присутствовавшего при последних часах жизни патриота:

³⁶ Давыдов 1985. С. 70-71.

³⁷ Бородино, 1812. 1987. С. 281.

«Крестьяне Энгельгардта, возбужденные слухами, распространявшимися агентами Наполеона о воле, отказались работать на него, в то время как все соседние крестьяне оставались спокойными. Энгельгардт пригласил стоявшего в Поречском уезде казачьего сотника с его казаками – образумить крестьян. Те исполнили свое дело и удалились. Тогда озлобленные крестьяне донесли смоленскому губернатору, будто Энгельгардт заставляет их убивать французов. Донос не подтвердился, и Энгельгардт был отпущен с миром. Чтобы отомстить клеветникам, он повторил над ними экзекуцию при помощи тех же казаков. На этот раз крестьяне придумали более верное средство избавиться от своего помещика. Они убили и закопали в его саду двух мародеров, а затем снова донесли в Смоленск на своего помещика. Найденные трупы послужили главной уликой против Энгельгардта; он был взят под стражу и посажен в Спаскую церковь (Смоленска. – Ю.С.). Здесь просидел он около двух недель. Наполеон на донесении о его деле наложил краткую резолюцию: “расстрелять!” <...> Энгельгардту стали читать приговор. Не дослушав его, он вскричал по-французски: “полно врать, пора перестать! заряжайте скорей и стреляйте, чтобы не видеть мне больше разорения моего отечества и угнетения моих соотечественников”. Когда хотели завязать ему глаза, он не позволил, говоря: “прочь! хочу видеть свою смерть!”»³⁸.

Эти слова и сделали Энгельгардта известным всей России.

Были в крестьянской среде и другие формы коллаборационизма. Так, например, 15 октября 1812 г. партизанский командир полковник князь Николай Данилович Кудашев, зять Кутузова, поймал под Подольском трех мужиков и направил их к тарусскому городничему со следующим отношением: «Пойманные под городом Подольском три мужика, из коих главный именуется себя Абрам Коновалов, – доставляли хлеб и рогатый скот французам. Для поступления с ними, как с изменниками, я препровождаю их к вам, и вы от себя для примерного наказания представьте их к своему начальству»³⁹.

Наконец, некоторые мужики умудрились еще в июле 1812 года вступить солдатами в Наполеоновскую армию. Накануне 30 августа 1812 г. в Масальском уезде Калужской губернии крестьянами деревни Подполево в главе с отставным солдатом Герасимом Васильевым и десятским Василием Козминым взяты были в лесу «незнаемо какие люди, три человека, называемые себя русскими; на вопрос же в суде означенные люди показали, что они Минской губернии Игуменского уезда... села Маторова крестьяне, Василей Евсеев, Андрей Михайлов и деревни Корович, Степан Сахаров, и в прошедшем июле месяце забраны они во французскую армию, с коей будучи из-под Смоленска от той армии отлучились без всякого оружия и ходили по разным неизвестным им местам и зашли незнаемо в какой лес, в коем их взяли и привели в Масальской земской суд; в пути ж они грабежей никаких нигде не делали...»⁴⁰. В этом последнем случае мы имеем, скорее все-

³⁸ Русская старина. 1903. Т. 114. № 5. С. 334-335.

³⁹ В тылу армии. С. 142.

⁴⁰ Там же. С. 139-140.

го, дело с крестьянами, подпавшими под 10-тысячный рекрутский набор, объявленный 25 июля 1812 г. созданной Наполеоном в Вильно комиссией временного правительства Великого княжества Литовского. Власть этой комиссии распространялась на Виленскую, Гродненскую, Минскую губернии и Белостокскую область⁴¹.

Конечно, как бы кому ни хотелось, но коллаборационизм в 1812 г. не был ни мужицкой, ни поповской «привилегией». Лица всех сословий в той ли иной степени либо демонстрировали достойные подражания верноподданничество и патриотизм, либо приспособлялись к обстоятельствам и «ловили момент». Дворяне и чиновники – не исключение. Например, Кутузов 27 ноября 1812 г. выслал из расположения Главной армии в Калужскую губернию «выбранных французским правительством из смоленских дворян комиссаров, а именно: коллежского советника Щербакова, помощника его прапорщика Колпина, поручика Миничкина, взятого с ними немца Карла Цобель, губернского регистратора Ефимовича, прапорщика Невежина...» По месту ссылки эту компанию поджидал находящийся под судом в Калужской уголовной палате титулярный советник Андреевский из Малоярославца⁴².

Еще один случай описал в своем дневнике Денис Давыдов:

«Около Дорогобужа явился ко мне вечером Московского гренадерского полка отставной подполковник Маслеников, в оборванном мужицьем кафтане и в лаптях. <...> Он рассказывал свое несчастье: как не успел выехать из села своего и был захвачен во время наводнения края сего приливом неприятельской армии, как его ограбили и как он едва спас последнее имущество свое – испрошением себе у вземского променданта охранного листа. Зная по опытам, сколько охранные листы бесполезны к охранению, мы любопытствовали видеть лист сей, но как велико было наше удивление, когда мы нашли в нем, что г. Маслеников освобождается от всякого постоя и реквизиций в уважение обязанности, добровольно принятой им на себя, *продовольствовать находившиеся в Вязьме и проходившие через город сей французские войска*.

Приметя удивление наше, он хотя с замешательством, но спешил уверить нас, что эта статья поставлена единственно для спасения его от грабительства и что он никогда и ничем не снабжал войска французского в Вязьме.

Сердца наши готовы были извинить его: хотя русский, он мог быть слабее другого духом, прилипчивее другого к интересу и потому мог ухватиться за всякий способ для сохранения своей собственности. Мы замолчали, а он, приглася нас на мимоходный завтрак, отправился в село свое, расстояние в трех верстах от деревни, в коей мы ночевали.

На рассвете изба моя окружилась просителями; более ста пятидесяти крестьян окрестных сел пали к ногам моим с просьбою на Масленикова, говоря: «Ты увидишь, кормилец, село его, ни один хранц (то есть франц, или француз) до него не дотронулся, потому что он с ними же грабил нас и посылал все в

⁴¹ Корнейчик 1962. С. 50, 48. Интересно, что Е.И. Корнейчик, следуя постулату о патриотичных крестьянах и изменниках-дворянах, объектом помянутого рекрутского набора объявил... «мелкую разоренную шляхту», а вовсе не мужиков, этой шляхте принадлежавших.

⁴² В тылу армии. С. 155.

Вязму, – всех разорил; у нас ни синь-пороха не осталось по его милости!” Это нас все взорвало. Я велел идти за мною как окружившим избу мою, так и встретившимся со мною на дороге просителям.

Приехав в село Масленикова, я поставил их скрытно за церковью и запретил им подходить ко двору прежде моего приказа. Казалось, мы вступили на благословенный остров, оставшийся от всеобщего потопления! Село, церковь, дом, избы и крестьяне – все было в цветущем положении! Я уверился в справедливости доноса и, опасаясь, чтобы после ухода моего страдальцы сами собой управы не сделали и тем не подали пример другим поселянам к мятежу и безначалию, что в тогдашних обстоятельствах было бы разрушительно и совершенно пагубно для России, я решился обречь себя в преступники и принять ответственность за подвиг незаконный, хотя спасительный!

Между тем товарищи мои сели за сытный завтрак... Я не ел, молчал и даже не глядел на все лишние учтивости хозяина, который, чувствуя вину свою и видя меня сумрачным и безмолвным, усугублял их более и более. После завтрака он показал нам одну горницу, нарочно, как кажется, для оправдания себя приготовленную: в ней все мебели были изломаны, обои оборваны и пух разбросан по полу. “Вот, – говорил он, – вот что эти злодеи французы наделали!”.

Я, продолжая молчание, подал потаенно от него знак вестовому моему, чтобы позвал просителей, и вышел на улицу будто бы садиться на коня и продолжать путь мой. Когда на улице показалась толпа просителей, я, будто не зная, что они за люди, спросил: “Кто они такие?” Они отвечали, что окрестные крестьяне, и стали жаловаться на Масленикова, который уверял, что они изменники и бунтовщики, но бледнел и трепетал. “Глас Божий – глас народа!”, – отвечал я ему и немедленно велел казакам разложить его и дать двести ударов нагайками.

По окончании экзекуции я спросил крестьян, довольны ли они? И когда передний из них начал требовать возвращения похищенного, то, чтобы прервать все претензии разом, я его взял за бороду и, ударив нагайкою, сказал сердито и грозно: “Врешь! Этого быть не может. Вы знаете сами, что похищенное все уже израсходовано французами, – где его взять? Мы все потерпели от нашествия врагов, но что Бог взял, то Бог и даст. Ступайте по домам, будьте довольны, что разоритель ваш наказан, как никогда помещиков не наказывали, и чтобы я ни жалоб и ни шуму ни от одного из вас не слышал. Ступайте!”⁴³.

В чем-то эта история напоминает историю Энгельгардта: в первом случае крестьяне расправились с помещиком руками французов, во втором – партизан Дениса Давыдова. И в обоих случаях прибегали к доносу. Впрочем, как видно из процитированного текста, русский партизан не питал иллюзий относительно своих осведомителей...

Следует сделать оговорку: перечисленные случаи бунтов и коллаборационизма были явлениями не особенно массовыми, а некоторые и прямо единичными. Но из всех социальных групп в Российской Империи на самые крупные и многолюдные антиправительственные выступления в 1812 г. пошли крестьяне. Признавал это и Н.А. Троицкий:

«Что же касается крестьян, то их классовая борьба с феодалами именно в тот год обрела размах, небывалый ни раньше, ни позже за всю первую четверть XIX в. <...> Волновались, восставали против своих господ крестьяне и в гу-

⁴³ Давыдов 1985. С. 98-100.

берниях, охваченных войной (Смоленской, Витебской, Могилевской, Минской, Московской), и в отдаленных (Вологодской, Пермской, Тамбовской, Саратовской, Оренбургской). Только в Вышневолоцком уезде Тверской губ. вспыхнуло больше 30 волнений. «Цельми селами» бунтовали крестьяне Волоколамского уезда Московской губ. Больше 4 тыс. взбунтовавшихся крестьян Ельнинского уезда Смоленской губ. уступили только регулярным войскам, а яростный бунт крестьян восьми деревень Дорогобужского уезда той же губернии так напугал местные власти, что они в официальных документах наименовали его «революцией». Самыми крупными по масштабам были волнения 20 тыс. приписных крестьян в 12 волостях Пермской губ., а самыми упорными – бои крепостных заводчика А.И. Яковлева в Череповецком и Устюженском уездах Новгородской губ., где бунтари не поддались на уговоры архимандрита Пансия, а затем обратили в бегство регулярный кавалерийский полк. Важной особенностью классовой борьбы в России 1812 г. были восстания ополченцев, т.е. вооруженного народа, который, как этого и боялись дворяне, *поворачивал оружие против внутреннего врага*. Бунтовали осенью 1812 г. московские и саратовские ополченцы, но самым грозным был вооруженный бунт трех полков Пензенского ополчения 21 декабря одновременно в трех городах: Инсаре, Саранске и Чембаре. Больше 7 тыс. ратников, возмущенных крепостническими порядками в ополчении, захватили Инсар, посадили в городскую тюрьму своих офицеров и уже строили для них возле тюрьмы три виселицы. Простой люд Инсара поддержал ратников. «Это не Пугачево: тогда вас не всех перевешали, а нынче уже не вывернетесь!» – заверяли повстанцы «дворян-супостатов». Против восставших были двинуты регулярные войска с артиллерией. Десятки ополченцев погибли в бою, а прочих ждала расправа...: только в Инсаре 38 из них были засечены кнутами; в Саранске 8 человек после кнутабойства с вырезанием ноздрей отправлены в Нерчинск на каторгу, 28 – биты шпицрутенами и 91 – палками»⁴⁴.

Бунт «воинов» (официальное их название в документах) 1, 2 и 3-го пеших казачьих полков Пензенского ополчения действительно произошёл 9 декабря (по принятому тогда в России юлианскому календарю) 1812 г. в Инсаре, Саранске и Чембаре. Только причиной бунта было не возмущение «крепостническими порядками в ополчении», а слухи о том, что ополчение будет распущено и нежелание ратников по этой причине принимать присягу и выступать в поход. Ополченцы считали манифест императора Александра I от 6 июля 1812 г. о созыве ополчения «старым» и не имеющим силы. Если же говорить о порядках в ополчении, то в ходе следствия в Инсаре тем, «что лежит до начальника полка, также и штаб- и обер-офицеров, воины при допросах отзывались довольными». И в Саранске «при следствии спрашиваны были подсудимые, не было ли им каких обид или удержания жалованья и провианта со стороны начальников их и полковника, но все подсудимые удостоверили, что они как жалованье, так и провиант получали сполна, а только из жалованья удержано по несколько в ответственную воинов артельную сумму»⁴⁵.

⁴⁴ Троицкий 1988. С. 216-218; 2007. С. 357.

⁴⁵ Народное ополчение. С.384-386.

В Инсаре ратники потребовали объяснения, на каком основании держат их в ополчении:

«...Из числа составленного здесь ополчения воины 3-го пехотного казачьего полка, расположенного в вышеозначенном городе, приступив к правящему горюродническую должность уездному судье майору Бахметеву, спрашивали, с чьего позволения собрали их, а после ответа его, что на то была высочайшая воля государя императора, начали его, Бахметева, бить пиками, окровавили и волокли по улице, а полкового командира и офицеров ополчения засадили в тюрьму, дома дворянские в городе разбивают и дворян бьют»⁴⁶.

Еще одна фраза из книги Н.А. Троицкого: «Против восставших были двинуты регулярные войска с артиллерией. Десятки ополченцев погибли в бою...». А вот текст официального документа о том же:

«...Воины 2-го пехотного казачьего полка, сбегаясь в г. Чембар со всех сторон с рычагами (кольями, дубинами. – Ю.С.), становились толпою и заперали улицу, производя необычайный крик. В сие время три раза подъезжал полковник Дмитриев (командир полка. – Ю.С.) к мятежникам, повторяя им увещание, что[бы] те, кои не участвуют в возмущении, отошли бы прочь и стали особо, однако же они не только не внимали словам его, но еще и кричали: “Вы нам ничего не сделаете”, и на слова его, что будут стрелять по ним уже из пушек, ответствовали ругательством, крича: “Мы отыдем и пушки и всех побьем”, и приближаясь между тем к выстроенному уже фронту и выставленным пушкам так, что, кинувшись, могли бы оными овладеть. Находясь в такой крайности, полковник Дмитриев *отрядил офицера с 12 егерями* (курсир здесь и далее мой. – Ю.С.) с тем, чтобы они угрожали толпе мятежников выстрелами и старались отдалать их. Но мятежники и затем, подаваясь вперед, начали бить егерей рычагами и кидать палки в офицеров, из коих двое и зашибены, подаваясь сами к пушкам. В сие уже время полковник Дмитриев приказал егерям стрелять по мятежникам в том мнении, что придут они в робость, но, несмотря на то и хотя из них многие уже были ранены, с криком бросились они к пушкам, почему сделан был выстрел из одного орудия, но безвредный. Когда же и сие не могло удержать их, то ударили в другой раз картечью и в штыки. Таковое действие, от которого из числа мятежников *осталось на месте убитых 5 и тяжело раненых 10 чел.*, заставило всех прочих возмутителей обратиться в бегство. Полковник же Дмитриев, преследуя их по улицам, приказал офицерам сказать бегущим мятежникам, чтобы они остановились и шли с раскаянием на назначенное сборное место, куда вскоре более половины и сошлись, которые взяты и посажены под караул...»⁴⁷.

Итак, регулярных войск было 12 человек егерей, а десятки погибших превращаются в 5 человек убитых. Наказание бунтовщикам Н.А. Троицкий тоже представляет как немотивированный произвол. Но вот судебное определение, сделанное в Саранске:

«7 чел<овек> воинов и одного казака, который, слыша нехотение их идти в поход, не только не объявил о сем заблаговременно ни полицмейстеру, ни уряднику своему, но еще и говорил им: “Кто желает идти в поход, то с Богом, господа”, – наказатъ кнутом и с вырезанием ноздрей и с постановлением знаков сослать в Нерчинск в каторжную работу; 28 чел<овек> воинов прогнать

⁴⁶ Там же. С. 377.

⁴⁷ Там же. С. 380-381.

шпицрутен, а 91 чел<овека> наказать пред полком палками и отослать для определения в дальнейшие гарнизоны»⁴⁸.

Возможно, впрямую к нашей теме эти последние рассуждения и не относятся, но они лишний раз демонстрируют, что призванные в ополчение крестьяне были подчас куда как корыстны и совсем не желали поголовно жертвовать не то что собою, а даже своим временем и положением ни за Веру, ни за Царя, ни за Отечество.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. / Под ред. К.А. Военского Т. 1. СПб., 1909; Т. 3. СПб., 1912.
- Бородино, 1812 / Б.С. Абалихин, Л.П. Богданов, В.П. Бучнева и др.; П.А. Жилин (отв. ред.). М., 1987.
- В тылу армии. Калужская губерния в 1812 году. Обзор событий и сборник документов / Сост. В.И. Асонов. Калуга, 1912. II. Сборник документов.
- Волконский Д.М. Дневник 1812–1814 гг. // 1812 год... Военные дневники / Сост., вступ. ст. А.Г. Тартаковского. М., 1990.
- Географическо-статистический словарь Российской Империи. Т. III. СПб., 1867.
- Давыдов Д.В. Дневник партизанских действий 1812 года. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. Л., 1985.
- Дневник священника Никифора Адриановича Мурзакевича 1776–1834 г. Смоленск, 1903.
- Иерофей [Добрицкий], архимандрит. Брянский Свенский Успенский монастырь, Орловской епархии. М., 1866.
- Корнейчик Е. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года. Минск, 1962.
- Леонтьев К.Н. Рассказ смоленского дьякона о нашествии 1812 года // Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 9. СПб., [1913].
- Литовский А. Товянский Андрей // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электр. ресурс]. М.: ИДДК; Мультимедиа-изд-во «Адепт», 2002. DVD-ROM.
- Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года. М., 2002.
- Мельникова Л. В. Русская Православная Церковь в западных губерниях Российской империи во время Отечественной войны 1812 года // Бородино и наполеоновские войны. Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 190-летию Бородинского сражения. М., 2003. С.281-290 // http://www.borodino.ru/download.php?file_id=430
- Мицкевич А. Избранные произведения. В двух томах. Т. 2. М., 1955.
- Могилев на Днепре // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона...
- Могилевская епархия // Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. СПб., [1911.]
- Мурзакевич Н.А., свящ. История города Смоленска. Смоленск, 1903.
- Н-ва Е. Из писем Осипа Алексеевича Поздеева к его друзьям // Русский архив. 1872. Т. III. № 10.
- Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов / Под ред. доктора исторических наук Л.Г. Бескровного. М., 1962.
- Недаром помнит вся Россия... Очерки о событиях 1812 года в Калужском крае. Калуга, 1962. Новый и полный географический словарь Российского государства, или лексикон... Ч. III. Л-Н. М., 1788.
- Орловский И.И. Священник Н.А. Мурзакевич, обвиняемый в измене в 1812 г. // Русская старина. 1903. Т. 114. № 4. С. 99-116; № 5. С. 331-349; № 6. С. 57-582.
- Павел (Егоров), архимандрит. Из воспоминаний о 1812 годе // Отечественная война 1812 года глазами современников / Составление, подготовка текста и примечания Г.Г. Мартынова. М., 2012.

⁴⁸ Там же. С. 385.

- Полов А.И. Отечественная война 1812 года: «новые открытия» и псевдопроблемы // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции (Бородино, 9-11 сентября 2008 г.). Можайск, 2009 // http://www.borodino.ru/download.php?file_id=363
- Рункевич С.Г. История Минской архиепископии (1793–1832 гг.). СПб., 1893.
- Тарас А. 1812 год – трагедия Беларуси. Минск, 2012.
- Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988.
- Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 2007.
- Филиппова А.А. Неизвестные архивные документы о событиях 1812 г. в пределах Вяземского уезда // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы Международной научной конференции, 2-4 сентября 2013 г. / Сост. А.В. Горбунов. Бородино, 2014.

REFERENCES

- Akty, dokumenty i materialy dlya politicheskoi i bytovoï istorii 1812 g. / Pod red. K.A. Voenskogo T. 1. SPb., 1909; T. 3. SPb., 1912.
- Borodino, 1812 / P.A. Zhilin (otv. red.). M., 1987.
- V tylu armii. Kaluzhskaya guberniya v 1812 godu. Obzor sobytii i sbornik dokumentov / Sost. V.I. Assonov. Kaluga, 1912. II. Sbornik dokumentov.
- Volkonskii D.M. Dnevnik 1812–1814 gg. // 1812 god... Voennye dnevniki / Sost., vstup. st. A.G. Tartakovskogo. M., 1990.
- Geograficheskoe-statisticheskii slovar' Rossiiskoi Imperii. T. III. SPb., 1867.
- Davydov D.V. Dnevnik partizanskikh deistvii 1812 goda. Durova N.A. Zapiski kavalerist-devitsy. L., 1985.
- Dnevnik svyashchennika Nikifora Adrianovicha Murzakevicha 1776–1834 g. Smolensk, 1903.
- Ierofei [Dobritskii], arhimandrit. Bryanskii Svenskii Uspenskii monastyr', Orlovskoi eparkhii. M., 1866.
- Korneichik E. Belorusskii narod v Otechestvennoi voine 1812 goda. Minsk, 1962.
- Leont'ev K.N. Rasskaz smolenskogo d'yakona o nashestvii 1812 goda // Leont'ev K.N. Sobranie sochinenii. T. 9. SPb., [1913].
- Lipovskii A. Tovnyanskii Andrei // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. [Elektr. resurs]. M.: IDDK; Multimedia-izd-vo «Adept», 2002. DVD-ROM.
- Mel'nikova L.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Otechestvennoi voine 1812 goda. M., 2002.
- Mel'nikova L.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v zapadnykh guberniyakh Rossiiskoi imperii vo vremena Otechestvennoi voiny 1812 goda // Borodino i napoleonovskie voiny. Bitvy. Polya srazhenii. Memorialy. M., 2003. S. 281-290 // http://www.borodino.ru/download.php?file_id=430
- Mitskevich A. Izbrannye proizvedeniya. V dvukh tomakh. T. 2. M., 1955.
- Mogilev na Dnepre // Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona...
- Mogilevskaya eparkhiya // Polnyi pravoslavnyi bogoslovskii entsiklopedicheskii slovar'. T. II. SPb., [1911.]
- Murzakevich N.A., svyashch. Istoriya goroda Smolenska. Smolensk, 1903.
- N-va E. Iz pisem Osipa Alekseevicha Pozdeeva k ego druž'yam // Russkii arkhiv. 1872. T. III. № 10.
- Narodnoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812 goda. Sbornik dokumentov / Pod red. doktora istoricheskikh nauk L.G. Beskrovno. M., 1962.
- Nedarom pomnit vsya Rossiya... Ocherki o sobytiyakh 1812 g. v Kaluzhskom krae. Kaluga, 1962.
- Novyi i polnyi geograficheskii slovar' Rossiiskogo gosudarstva, ili leksikon... Ch. III. L-N. M., 1788.
- Orlovskii I.I. Svyashchennik N.A. Murzakevich, obvinyaemyi v izmene v 1812 g. // Russkaya starina. 1903. T. 114. № 4. S. 99-116; № 5. S. 331-349; № 6. S. 57-582.
- Pavel (Egorov), arhimandrit. Iz vospominanii o 1812 gode // Otechestvennaya voina 1812 goda glazami sovremennikov / Sost., podg. teksta i primech. G.G. Martynova. M., 2012.
- Popov A.I. Otechestvennaya voina 1812 goda: «novye otkrytiya» i psevdoproblemy // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Borodino, 9-11 sentyabrya 2008 g.). Mozhaisk, 2009 // http://www.borodino.ru/download.php?file_id=363
- Runkevich S.G. Istoriya Minskoi arkhiepiskopii (1793–1832 gg.). SPb., 1893.

Taras A. 1812 god – tragediya Belarusi. Minsk, 2012.

Troitskii N.A. 1812. Velikii god Rossii. M., 1988.

Troitskii H.A. 1812. Velikii god Rossii. M., 2007.

Filippova A.A. Neizvestnye arkhivnye dokumenty o sobytiyakh 1812 g. v predelakh Vyazemskogo uezda // Otechestvennaya voina 1812 goda. Istochniki. Pamyatniki. Problemy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 2-4 sentyabrya 2013 g. / Sost. A.V. Gorbunov. Borodino, 2014.

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук. Московский психолого-социальный университет, филиал в г. Брянске. *jur.solovjev@yandex.ru*

The collaboration of 1812. Class aspect

The author analyzes the proportion and nature of participation of clergy, noble and peasant classes in the collaborationist movement during the Patriotic war of 1812 in Russia. He also criticizes the clichés of Communist propaganda in looking at this issue, as reflected in Soviet historical literature.

Keywords: The Russian Empire, Patriotic war of 1812, collaboration, clergy, nobles, peasants
Yuri Solovyov, PhD (Philology), Moscow Psychological and Social University (branch in Bryansk); *jur.solovjev@yandex.ru*